

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

порука восьмая

Рысь иронично, да всё ж приязненно следила за напыщенным, помпезным, как орлан на римском штандарте, Попугаем, победителем кустов, которых и не было, – теперь уж действительно: не было! Кусты бежали.

— Ну ты орёл, ну ты гвардейская птица!.. А мне уж пора торговать пером, что ли?! Многая польза... да сам-то о том вернее ведаешь: ваши вот целую индустрию пером подняли, на капризах доходную!

Попугай, не руша геройской стати, чело нахмурил, взор опечалил, посмурел: – «То так, то да!..»

— Но куда ж я от своих-то денусь? Вы же не примите?! Вы ж тут все патриотизмом заорганизованы!

— Опять врешь, хоть и герой. Патриотизм наш – от сердца, не по предписанию. Вашим разумением меркантильным, на алчбе да похоти взращённом, то не понять. И вольны мы, и вольны, как вам не быть!.. А и в приязни, и в любви вольны, но не паскудным блудом, а сердечным выбором.

— Знаем, знаем: любовь зла, полюбишь и козла!.. Плохая, на самом деле, парадигма, некорректная: козлов дискриминирует! А козлы тут у вас – самые совестливые, креативные. И культуру сеют неварварскую. Цивилизованным выбором блеют!.. Как поёт ваш главный Козёл! заслушаешься:

«... В этом отравленном ложью краю – ни шишá, ни шу-шú:

Вместо травок приличных жуют черемшу.

Страна обезумила разом до тла:

Вместо, чтобы травки выращивать – травят Козла...»

— Только песен козлов мне и не хватало для полного личного счастья!.. Знаю я его. Та ещё падаль.

— Он не падаль, он активно живой.

— А козлы всегда активно живые, даже мёртвые. Ты его задрал, а дело его козлячее живёт да блеет... Но я козлов не деру – падалью не питаюсь: ни в каком виде, даже в активно живом.

— Попугай смотрит и пристально видит: Рысь говорит в направлении злобы и козлофобными каламбурами! Попугай надеется думать, что слова будут говорить в честном русле, а не речами, противными правильной правде! С уважением к нашей, единственно верной, точке зления и к мнению козлов.

— Говоришь – точка зления? Козления точка, вот это что!.. И если тебя, инозвёрца, я терпеть пока вынуждена – как рупор Западла, голос врага – покуда грызёмся не в ратном поле, а в поганстве гибридном... то почему я должна терпеть мнение этих наймитов: подонков, пасущихся на наших раздолах, кормящихся от наших лугов, от вод и лесов, от нашего неба, которые ж всё то и хулят, поносят, чернят, да врут мегатонно: и об истории отчей, и о сородичах, особливо – о предках великих, пуще ж всего: о Матери Славе! Зады же свои ориентируют “верно” – на Западл, оттуда же гранты за то им с печеньками и хозяйская ласка!.. Вот зачем мне выслушивать этих, да ещё уважать?!

— Потому что они меньшина, а следовательно – светлые, чистые, честные, просвещённые, креативные, эффективные, неполживые, совесть стада, копыто-и-лапопожатные, лучшие скоты из всех тварей!.. Потому что они разделяют наши завроценности, и ненавидят ваши! И за ними – цивилизованный Западл! А значит: Макак с ядерным калом, за которым: сам папа Сво!.. И это необсуждаемо: прочь свои грязные зверомирские лапы от светлых козлов и других ориентированных верно скотин!

— Допустим. Но тогда и мы можем всласть да наотмашь хулить их, как они нас! Отчего ж нам-то нельзя?

— Вы – проигравшие! Вас уже нет! Поэтому вы должны платить и каяться! Платить и каяться! – на этих сладких словесах Пúпу понесло: распетушился, хлúпик напруг, хохолок на голове да остаток хвоста султанами распустил, крыльями засумошил, жабо распушил, слюной брызнул, да и не заметил как-то, что уж в воздухе сам: перед Рысью мельтешит опасно! – На колени! На колени! Пасть ниц! И контрольно догрызть своё прошлое! объявив своих предков рабами преступной державы! а себя – подельщиками кровавого режима!.. И ждать милости от нас: победителей!

— Ты вот ещё за треугольный круг заступись! – едко подначила Рысь, но сама-то уже шерсть дыбила.

— А что с ним не так?

— Ну, притесняют его у нас, не признают... Говорят, углокрúглый он какой-то. Отклонение от нормы...

— Стыдно-то как! Совестно!.. Лапы прочь от Треугольного Круга! Оградить правами Треугольный Круг!

— За что стыдно, позволь полюбопытствовать?.. Вроде, ты трезвый, чтоб так-то совеститься...

— Попугай не знает. Это не важно. Так положено говорить, когда вы беспредел учиняете! И Пúпа за всех вас просит прощение у Треугольного круга. И у его потомства!.. А вы – на колени, углофобы! Ниц падите, звери лютые, пред ликом светлым углокрúглости альтернативной! Свободу гендеру!

Тут уж Рысь с собою не сдюжила: на косу бодрú – наотмашь, с размаху – саданула лапой по воздуху, где мельтешил разошедшийся Попугай. Разом стихло... После, с чувством исполненного, Рысь от души зевнула да урлыкнула: – «Мы добрые, но росские! что значит: врага простить можем. И прощаем – когда по сопаткам добро обозначим... Но изменников – никогда. Предателей Рось не прощает!..»

Перьев по тому разу в хвосте попугаевои четыре осталось.

